

На вопросы шеф-редактора журнала «ЗАКОН» Владимира Румака отвечает **заместитель министра юстиции РФ Денис Васильевич НОВАК**

ЗАДАЧА КОНЦЕПЦИИ — СОЗДАТЬ СТИМУЛЫ ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Родился 30 мая 1979 г. в г. Абазе Хакасской автономной области (ныне — Республика Хакасия).

В 2001 г. с отличием окончил юридический факультет Кемеровского государственного университета, в 2003 г. — с отличием Российскую школу частного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. В 2006 г. под научным руководством проф. А.Л. Маковского защитил в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ кандидатскую диссертацию на тему «Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование)».

С 2000 по 2001 г. — сотрудник учреждения юстиции Кемеровской области по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, управления Министерства юстиции РФ по Кемеровской области.

С 2001 по 2004 г. — сотрудник ряда юридических фирм г. Москвы и Московской области.

С 2004 по 2008 г. — адвокат, член Адвокатской палаты г. Москвы.

С 2008 по 2014 г. — главный консультант управления анализа и обобщения судебной практики, заместитель начальника управления частного права Высшего Арбитражного Суда РФ. С ноября 2014 по август 2017 г. — заместитель директора департамента экономического законодательства Министерства юстиции РФ.

Указом Президента РФ от 09.08.2017 № 369 назначен на должность заместителя министра юстиции РФ.

Член научно-консультативных советов при Арбитражном суде Московского округа, Суде по интеллектуальным правам.

Автор многочисленных публикаций в профессиональных юридических изданиях, соавтор учебника для юридических вузов по гражданскому и торговому праву зарубежных государств и научно-практических комментариев к Гражданскому кодексу РФ.

Участвовал в разработке постановлений Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ, информационных писем Президиума, обзоров судебной практики Высшего Арбитражного Суда РФ.

Участник рабочих групп по подготовке Концепции развития гражданского законодательства и проекта изменений Гражданского кодекса РФ.

Профессор кафедры общих проблем гражданского права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Магистр частного права, кандидат юридических наук. Действительный государственный советник юстиции РФ 3-го класса.

Награжден медалью «За отличие» II степени Министерства юстиции РФ, званием «Почетный работник судебной системы», почетными грамотами Высшего Арбитражного Суда и Министерства юстиции РФ.

— **Денис Васильевич, Минюст опубликовал проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи¹, и, значит, появились контуры реформы. Причины, по которым регулятор склонился к адвокатской монополии, изложены в документе, но все же хочется узнать Ваше мнение: нет ли опасений, что выбранная модель не столько поможет достичь главной цели реформы, сколько ограничит доступ в профессию и приведет к удорожанию правовых услуг?**

— Для начала скажу, что не очень точно называть выбранную модель адвокатской монополией. Я понимаю, что этот термин стал уже привычен, но если уж и говорить о монополии, то о монополии ограниченной, и в тексте нашего проекта из нее предусмотрено много исключений. Во-первых, даже из названия Концепции видно, что она направлена на регулирование рынка профессиональной юридической помощи, т.е. реформа не затронет юридическую помощь, оказываемую безвозмездно. Поэтому некоммерческие организации, в том числе правозащитные или, например, общества защиты прав потребителей, не будут лишены возможности отстаивать интересы граждан в судах и тем более оказывать какую-то другую юридическую помощь на безвозмездных началах.

Во-вторых, если говорить о судебном представительстве, за рамками реформы останутся штатные работники, представляющие интересы организаций, — так называемые инхаусы, или юрисконсульты, государственных органов и органов местного самоуправления, а также случаи законного представительства, предполагающие, например, представление интересов детей родителями, опекунами или участие в судебном разбирательстве руководителей организаций, которые могут не являться юристами, но выполнять функцию законного представителя своих юридических лиц. Граждане, как и сейчас, смогут лично выступать в суде. Кроме того, в проекте Концепции отражено, что еще нужно проработать вопрос о сохранении права судебного представительства за близкими родственниками.

То есть в целом Концепция говорит только о платных юридических услугах. Не секрет, что наибольшая опасность от низкого качества такого рода услуг существует именно в этой области. Понятно, что если помощь оказывается безвозмездно, то можно вести речь о каком-то неразумном поведении, но по крайней мере корыстного интереса в этом будет гораздо меньше, чем в платной сфере.

Что касается риска удорожания юридических услуг, то согласно Концепции так называемая адвокатская монополия может быть введена лишь при наличии положительных результатов мониторинга стоимости оказываемых адвокатами услуг с точки зрения их доступности для всех нуждающихся в квалифицированной юридической помощи.

— **Означает ли все сказанное Вами, что адвокатская монополия — давайте условно называть выбранную модель именно так — это уже отправная и бесповоротная точка реформы, или же Концепция просто очерчивает контуры, которые в ходе публичного обсуждения и мониторинга могут претерпеть какие-то изменения?**

— Поскольку мы работаем на основании программы «Юстиция»², в которой прямо поставлена задача по обеспечению оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами, то это действительно можно считать отправной точкой.

Главный вопрос состоит в том, каким именно образом будет реализовываться это решение и какой путь будет пройден, прежде чем Концепция будет полностью реализована и введено исключительное право адвокатов и адвокатских образований на оказание возмездных юридических услуг, в том числе судебного представительства. Мы специально начали с публикации предварительной версии проекта Концепции и запустили процесс широкого обсуждения с юридическим сообществом с целью доработать проект до внесения в Правительство. Здесь мы рассчитываем на интеллектуальную помощь как представителей адвокатской

¹ См.: <http://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/proekt-konceptii-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy> (дата обращения: 10.11.2017).

² См.: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»».

корпорации, так и высокопрофессиональных юристов, практикующих вне адвокатуры, и с одинаковым вниманием отнесемся к любым предложениям. В опубликованной версии реализация Концепции разделена на три этапа, последний из которых предполагается завершить к 2023 г. Это долгий срок, и за него можно многое сделать.

Почему для осуществления реформы была избрана площадка адвокатуры? В самой Концепции говорится о том, что нами прорабатывались варианты с саморегулированием, и довольно подробно описаны плюсы и минусы такой модели. В итоге мы пришли к выводу, что введение саморегулирования наряду с адвокатурой означало бы создание параллельной системы. С учетом того, что ее пришлось бы строить с нуля, в то время как площадка адвокатуры уже функционирует, мы посчитали, что нет необходимости создавать еще одну структуру при наличии уже существующей работоспособной самоуправляемой корпорации, а те проблемы, которые есть, — это только повод для того, чтобы работать над ними. Так что мы решили не умножать сущности, тем более что в дальнейшем это могло бы привести к усугублению раскола среди тех, кто оказывает квалифицированную юридическую помощь, т.е. к еще большему отдалению юристов друг от друга. Мы и сейчас наблюдаем ситуацию, когда многие юристы не ассоциируют себя с адвокатами, а адвокаты — с просто юристами. Задача Концепции — создать стимулы для объединения участников рынка профессиональной юридической помощи.

Я убежден, что деятельность по оказанию квалифицированной юридической помощи, независимо от того, осуществляют ее адвокаты или юристы, не имеющие такого статуса, является абсолютно однородной, а значит, должна соответствовать единым стандартам — как профессиональным, так и этическим. Не вижу никакого разумного объяснения, почему эти стандарты должны быть разными.

Естественно, выстраивание единых стандартов возможно только на единой площадке. Конечно, можно было бы пойти по пути Польши, где параллельно с адвокатурой существует и структура, которая объединяет так называемых юридических советников, тоже вырабатывает свои правила и следит за их со-

блюдением, но мне кажется, что у нас это стало бы дополнительным ненужным звеном. Поэтому с опорой на опыт многих стран была избрана площадка адвокатуры. Мы пришли к выводу, что это наиболее короткий путь к достижению поставленной нами цели.

— Предыдущая попытка введения профессионального представительства в арбитражных судах на базе адвокатуры показала, что закон достаточно легко обходится. Я имею в виду прежде всего практику заключения срочных трудовых договоров с корпорациями под ведение конкретного дела. Те же риски могут существовать и для некоммерческой правозащитной деятельности, под видом которой можно оказывать платные юридические услуги. Не боитесь, что история может повториться и рынок уйдет в «серый» сегмент?

— Если говорить о некоммерческой деятельности, то, конечно, существуют разные способы неофициальной оплаты услуг, но очевидно, что юрист, который оказывает платную юридическую услугу, заинтересован среди прочего и в способах защиты на тот случай, когда клиент платить ему не захочет. Если правовые услуги будут оказываться под видом безвозмездной юридической помощи, то юрист рискует никогда не получить плату за них. Думаю, что обходить закон таким образом, в ущерб самому себе, будет невыгодно. Да и клиенты сразу же смекнут, что если в договоре написано «бесплатно», то, значит, не надо ничего платить. Поэтому я особых рисков в этом направлении не вижу.

Более серьезная проблема — это то, что Концепция предполагает сохранение возможности представления интересов в судах юристами, работающими в организациях. Мы помним, как это происходило, когда появилось соответствующее правило в АПК. Здесь надо думать над путями решения: например, можно ввести требование к длительности работы в организации, установить, что юрист может идти в суд не на следующий день после заключения трудового договора, а, допустим, через месяц. Это только один вариант, можно подумать над другими. Полагаю, что рано или поздно мы найдем выход, наименее обременительный для корпоративного сегмента, но позволяющий отсечь попытки такого рода обхода закона.

— На данный момент в Государственную Думу внесена еще одна инициатива, связанная с введением профессионального представительства в судах, — законопроект депутата П.В. Крашенинникова³. Как он соотносится с тем, что предлагает Минюст? В нем речь идет о совершенно иной модели.

— Этот законопроект до его внесения с Минюстом не обсуждался и является параллельной историей, не учитывающей наличие Концепции. Часть его положений предлагает путь, не согласующийся с нашим проектом. Это прежде всего касается деятельности иностранных юристов. В Концепции поставлена задача создать единые для всех правила оказания платных услуг по вопросам российского права на территории Российской Федерации. К субъектам, имеющим право на оказание платных юридических услуг на территории России, будут относиться адвокаты и адвокатские образования. Следовательно, после вступления таких правил в силу (а это намечено на 2023 г.) возможность практиковать здесь по вопросам нашего права получают только лица, являющиеся адвокатами по российскому праву, а также адвокатские образования, зарегистрированные в России и состоящие из участников, также имеющих статус российского адвоката.

Что же касается деятельности иностранных юристов, консультирующих по вопросам права своей страны, то она уже урегулирована действующим Законом об адвокатуре⁴: Министерство юстиции как уполномоченный орган ведет реестр иностранных адвокатов, и иностранный адвокат получает право практиковать по вопросам своего права и оказывать юридическую помощь в России, только если он внесен в этот реестр. Сейчас в нем зарегистрированы всего лишь 143 адвоката, т.е. большой популярностью он не пользуется. Почему? Потому что прямой запрет иностранным юристам практиковать без внесения в реестр установлен только для адвокатской деятельности. А раз все остальные юридические услуги за ее пределами у нас никак не урегулированы, то это дает возможность их оказывать и иностранным юристам.

³ Проект федерального закона № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты».

⁴ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Представленный в Госдуму законопроект предлагает такую модель: аккредитовывать иностранных юристов и иностранные юридические фирмы при российской общественной организации юристов, принимать у них экзамены и выдавать им разрешение на осуществление соответствующей деятельности на территории нашей страны.

Причем, судя по законопроекту, речь идет об оказании иностранными юристами юридической помощи по вопросам не только иностранного, но и российского права. Таким образом, вместо того, чтобы предусмотреть регулирование, не создающее конкурентных преимуществ иностранных юристов перед отечественными, предлагается предоставлять доступ к российскому юридическому рынку посредством проводимой единой аккредитации — получил допуск, и всё, дальше уже можешь оказывать юридические услуги, даже не имея российского юридического образования.

Концепция Минюста предлагает совершенно иное: взять за основу существующую систему реестра иностранных адвокатов и немножко уточнить правила Закона, установив, что иностранный юрист не вправе осуществлять без внесения в реестр не только адвокатскую, но и вообще любую деятельность по оказанию юридической помощи.

Подчеркну: я говорю сейчас только о вопросах права той страны, которую он представляет. Это небольшое изменение, которое предполагается внести в ст. 2 Закона об адвокатуре, сделает невозможным свободное оказание юридических услуг на территории Российской Федерации теми иностранцами, кто не имеет российского юридического образования. При этом у иностранного гражданина, имеющего российское или признаваемое в России юридическое образование, остается возможность получить в общем порядке статус адвоката в России и тем самым уже обрести полноценное право практиковать по российскому праву.

Большинство стран используют именно такую модель. Очень редко можно встретить правопорядки, в которых просто иностранный юрист свободно допускается на национальный рынок юридических услуг.

— Желание создать одинаковые конкурентные преимущества для всех понятно. Но ведь ограничение возможности создавать подразделения иностранных юридических фирм скорее воспринимается как патернализм и даже протекционизм в отношении российского сегмента, чем как создание равных возможностей.

— Это действительно болезненный момент, который у многих вызывает непонимание и опасения, что международные юридические фирмы, которые придерживаются самых высоких выработанных веками стандартов и тянут за собой остальных в этом плане, просто уйдут с рынка.

Мне кажется, что это неправильное предположение, потому что любая уважающая себя международная юридическая фирма будет обеспечивать для своих клиентов покрытие юридических услуг в любой стране, где есть какой-то значимый экономический рынок. В России такой рынок имеется, и понятно, что даже при введении предлагаемых правил международные юридические фирмы будут работать на нашем рынке, но уже на принципиально новых началах, заключая соглашения об ассоциированном партнерстве с российскими адвокатскими образованиями.

Зарубежный опыт показывает, что именно так строится цивилизованный рынок юридических услуг во многих развитых странах. Понятно, что для бизнесмена, в том числе для международной юридической фирмы, очень удобно пользоваться корпоративным контролем и работать на рынке напрямую через филиал. Сейчас российское законодательство такую возможность предоставляет. Но на самом деле эта модель имеет более глубокие последствия, нежели просто способ структурирования бизнеса. Дело в том, что иностранная юридическая фирма естественным образом заинтересована в том, чтобы чаще предлагать клиенту право той страны, к которой принадлежит ее головной офис. Совершенно не в чем упрекнуть, к примеру, юристов английской фирмы, если они будут чаще рекомендовать английское право. Между тем речь идет о достаточно серьезной доле рынка, ведь сегодня международные юридические фирмы доминируют в премиальном сегменте и выигрывают конкурентный спор за самых привлекательных клиентов — крупный российский бизнес. А вот если юристы российских филиалов международных юрфирм учредят российские

адвокатские образования и продолжают работать уже на партнерских началах, у них будет гораздо больше поводов рекомендовать своим клиентам российское право. Российская юрисдикция имеет свои преимущества, например скорость судебного процесса и меньшие расходы на юридическое сопровождение, в то время как лицо, выбирающее, например, английское право, в случае необходимости получения защиты несет очень серьезные издержки — на суды, на адвокатов и т.д. Сейчас те, кто работают в российских филиалах международных юридических фирм, не используют активно эти преимущества, потому что они связаны корпоративной дисциплиной, и это естественно. Но когда они получают самостоятельность, освободятся от контроля, я полагаю, они гораздо чаще будут рекомендовать российское право своим доверителям.

И дальше уже можно говорить о выравнивании с точки зрения конкурентоспособности всей российской юрисдикции по сравнению с иностранными. В этом решении нет желания кого-то ущемить, перекрыть доступ на рынок. Оно принимается в обеспечение здорового национального интереса, в развитие нашей юрисдикции.

— Не будет ли такой шаг воспринят как проявление необоснованного протекционизма, который запрещен, к примеру, нормами ВТО?

— Нет, на наш взгляд, эта модель абсолютно не нарушает обязательств России в рамках ВТО. Во-первых, там есть оговорка касательно оказания адвокатами юридической помощи по гражданским и арбитражным делам. Проект Концепции нацелен на установление единых правил для субъектов, имеющих право на оказание платных юридических услуг на территории России, — к ним будут относиться адвокаты и адвокатские образования, участниками которых являются лица, имеющие статус адвоката по российскому праву. А во-вторых, не стоит забывать о принципе взаимности: если в большинстве стран россиянам дозволяется практиковать по вопросам своего права лишь при условии соблюдения специальных правил, то и мы имеем право предусмотреть соответствующий механизм. То же касается и возможности оказания услуг по национальному праву той или иной страны иностранными юридическими фирмами. Ряд европейских стран, например Германия и Франция, установили более мягкие условия для членов ЕС, допускающие в

том числе работу через филиал, но если юридическая фирма будет не из страны — члена ЕС, то ей такая опция уже недоступна. По этой модели мы могли бы предусмотреть что-то похожее для юридических фирм из Белоруссии и Казахстана, но с остальным миром мы вправе вести себя так, как относятся к нам, и устанавливать симметричные и вполне цивилизованные правила. Надо ли это называть протекционизмом? Если да, то тогда и установление соответствующих правил в развитых иностранных правовых порядках надо называть протекционизмом.

В то же время нельзя, конечно, исключить, что в ходе обсуждения проекта Концепции с профессиональным сообществом, в том числе с представителями иностранных юридических фирм, будут найдены более удачные способы решения данной проблемы по сравнению с теми, которые предусмотрены в нем.

— Если законопроект П.В. Крашенинникова в среднесрочной или даже в краткосрочной перспективе будет принят, может получиться так, что сначала будет выбрана одна модель, а в скором времени правила могут кардинально измениться.

— Скорее всего, такого не произойдет, и мы придем к единому мнению по самым существенным моментам. Мы уже общались и с Павлом Владимировичем, и с представителями Ассоциации юристов России. Возможно, будет найден вариант, совмещающий идеи обоих проектов. Например, идея о необходимости юридического образования у судебного представителя Концепции напрямую не противоречит, и в этом направлении возможен какой-то промежуточный шаг, скажем введение на первых порах так называемого профессионального представительства, т.е. требования о юридическом образовании, а не о статусе адвоката. Но здесь у нас очень сдержанный подход: мы считаем, что это возможно, но не сразу по всем делам, во избежание ограничения доступа к правосудию.

Можно, наверное, подумать о введении на уровне Верховного Суда правил представительства, подобных существующим в Конституционном Суде. Там есть требование о наличии либо статуса адвоката, либо ученой степени по юридической специальности. Думаю, такое правило можно распространить на представительство в Верховном Суде как высшей инстанции уже сейчас, это никак не повлияет на доступность

правосудия — у нас достаточно квалифицированных адвокатов, которые смогут оказывать юридическую помощь в Верховном Суде. На уровне кассационной инстанции можно начать с введения требования о юридическом образовании, поскольку там, как правило, рассматриваются исключительно вопросы права, а количество дел не такое большое, как в первой инстанции. Но вводить прямо сейчас полное профессиональное представительство во всех инстанциях, начиная с первой, очень опасно.

Этим как раз и отличается наша Концепция от законопроекта, о котором Вы говорили. На первый взгляд она предусматривает более жесткую модель, потому что распространяется не только на судебное представительство, но и вообще на любые платные юридические услуги. В действительности же ею предусмотрены три этапа, реализация каждого из которых должна сопровождаться мониторингом ситуации на рынке оказания юридической помощи. В частности, на третьем этапе предполагается оценка количества адвокатов и их готовности к работе: планируется, что их число к тому времени увеличится, и нужно будет определить, достаточно ли в каждом регионе адвокатов для того, чтобы полностью удовлетворить потребность в оказании юридической помощи населению, т.е. выполнить одну из главных задач Концепции — реализация ст. 48 Конституции, обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь. При этом нельзя выплеснуть вместе с водой и ребенка, т.е. еще более важное право — право на доступ к суду, предусмотренное ст. 46 Конституции. Поэтому окончательное решение о введении исключительного права адвокатов нужно будет принимать только после проведения такого мониторинга. Если не будет уверенности в том, что готовность к этому уже есть, то, как предусмотрено проектом, будет рассмотрен вопрос о корректировке сроков. То есть Концепция подразумевает не революционное, а эволюционное изменение.

Законопроект не содержит ничего подобного ни в самом тексте, ни в пояснительной записке. Там не приведены данные о том, насколько сейчас в каждом регионе и каждом населенном пункте, где есть суд, хватает юристов. Именно поэтому вводить, начиная сразу с первой инстанции, право на судебное представительство только юристами (даже не адвокатами), наверное, преждевременно. Кроме того, еще не факт, что введение требования о юридическом образовании позволит

достичь нужного эффекта. Многие говорят, что если этот законопроект пройдет, то безграмотные представители перестанут ходить в суды и это решит проблему, похоронив идею адвокатской монополии. Боюсь, что настоящая проблема решена не будет, учитывая низкое качество юридического образования многих из тех, кто сегодня имеет соответствующий диплом.

— Может быть, тогда лучше работать с вузами, чтобы просто усовершенствовать систему подготовки?

— Да, и это важнейшая задача, но на это нужно время. А если мы сейчас введем это правило, то получим представителей, у которых есть диплом, но реально нет квалификации и качественного образования, так что они мало отличаются от тех, кто не имеет диплома. Мало дать билет на входе — нужно дальше следить, как этот юрист себя ведет, оказывая юридическую помощь, в том числе в суде. Например, должны быть инструменты, позволяющие отстранять его от оказания юридической помощи в случае нарушений им закона и этических правил, а также механизмы для повышения квалификации — в противном случае юрист будет подвержен профессиональной деградации, что тоже приведет к снижению качества юридической помощи. Площадка адвокатуры такие инструменты имеет, и, насколько мне известно, Федеральная палата адвокатов (ФПА) собирается их развивать, в том числе ввести обязанность регулярно повышать свою квалификацию, как это сделано для судей. Сейчас они ведут работу над балльной системой, охватывающей определенное количество часов лекций, вебинаров, учебных программ и курсов повышения квалификации, которые будут складываться и сверяться с обязательным минимумом.

Вне всяких сомнений, нужно уделять большое внимание качеству юридического образования. В этом плане определенным потенциалом обладает Ассоциация юристов России, которая уже зарекомендовала себя как носитель эффективного механизма аккредитации юридических вузов и факультетов. Теперь они перейдут на аккредитацию образовательных программ по юридической специальности, и на этой основе можно подумать о модели, при которой допуск к судебному представительству будет предоставляться при наличии юридического образования, полученного по программе, прошедшей такую аккредитацию. Эту работу

можно только приветствовать, потому она позволит будущим юристам понять, в каком вузе они получают образование — слабым или сильным, обеспечивающим хорошую базу и открывающим дорогу в жизнь.

В этом смысле можно было бы воспринять и реализовать идею законопроекта об участии общероссийской организации юристов в процессе повышения качества судебного представительства.

В целом мне кажется, что при устранении из проекта каких-то вещей, которые противоречат Концепции, некоторые его идеи можно развить и совместить с тем, что предлагает Минюст.

— Значит, есть вероятность, что Концепция будет развиваться в том числе в рамках уже внесенной в Государственную Думу инициативы?

— Концепция предполагает целый ряд законопроектов. Так что все будет зависеть от того, как пойдет обсуждение, какую оценку даст Правительство.

— Вы сказали, что Концепция предполагает эволюционный путь развития и что окончательное решение будет приниматься по результатам мониторинга. Как будет оцениваться влияние введения монополии на доступность юридических услуг в конкретном регионе? И что делать, если в одних регионах результаты будут положительными, а в других — отрицательными?

— Решение будет приниматься исходя из ситуации в России в целом и положения дел в каждом отдельно взятом регионе. В Концепции упоминается, что в ходе мониторинга, помимо числа лиц, обладающих статусом адвоката, особое внимание будет уделено стоимости оказываемых адвокатами услуг с точки зрения доступности последних для всех категорий граждан, нуждающихся в квалифицированной юридической помощи.

Это будет стимулировать адвокатские палаты раскрывать стоимость услуг адвокатов. На самом деле этот вопрос актуален уже сейчас и поднимается в спорах о взыскании судебных расходов. В принципе, пока что суды ориентируются на сведения о стоимости тех или иных услуг, представленные разными адвокатскими образованиями и юридическими фирмами. Для мони-

торинга, предусмотренного Концепцией, потребуется более масштабное исследование, но, повторюсь, адвокатская корпорация будет заинтересована в том, чтобы эти сведения собрать и раскрыть. Если этих сведений не будет, мы просто не сможем перейти к реализации третьего этапа реформы.

— Мониторинг будет осуществляться самим Минюстом или какими-то научными учреждениями?

— Мы рассчитываем на то, что само адвокатское общество, стремясь к введению этого правила, будет заинтересовано в проведении такого исследования. Кроме того, нужно будет посмотреть, сколько юристов приходится на душу населения в том или ином регионе, чтобы понять, насколько доступна будет юридическая помощь адвокатов в конкретных городах, поселках и т.д. Подобные исследования уже проводятся. К примеру, известный ученый-процессуалист С.А. Халатов недавно опубликовал статью⁵, в которой на примере Свердловской области показал, что в крупных городах такая доступность более или менее обеспечивается, а в мелких населенных пунктах практически нет даже юристов, не говоря уже об адвокатах. Эта публикация еще раз подтверждает то, что сразу вводить правила о профессиональном представительстве опасно: в каком-то населенном пункте может вообще не оказаться дипломированного юриста, который осуществляет эту деятельность.

Концепция предполагает и проведение социологических исследований на предмет того, насколько доступными и квалифицированными граждане считают услуги, оказываемые адвокатами. Неофициальные исследования уже есть, и они показывают, что граждане, как правило, высоко оценивают их качество.

— Не совсем понятно, как будет работать механизм оценки доступности юридической помощи. Если рассчитывать в этом на адвокатуру, то нужно делать скидку на то, что адвокатское общество не сможет обеспечить объективность, поскольку заинтересовано в результате такого исследования.

---

⁵ Халатов С.А. Достаточность адвокатов для оказания квалифицированной юридической помощи на примере населения Свердловской области // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 1. С. 249–260.

— Как я уже говорил, на адвокатуру мы рассчитываем в плане раскрытия и обобщения ими информации о стоимости оказываемых адвокатами услуг — ни от кого, кроме них, мы эту информацию получить не сможем. Что касается других показателей, то опираться будем на объективные цифры. Например, можно точно определить динамику увеличения численности адвокатского сообщества, установить количество лиц, которым был присвоен статус адвоката в упрощенном порядке, выявить число вновь зарегистрированных адвокатских образований и число адвокатов, заключивших трудовые договоры с адвокатскими образованиями.

— То есть в конечном счете всё будет зависеть от того, насколько интенсивно консультанты будут перетекать в адвокатуру?

— Да. И здесь важен первый этап: сначала мы должны создать организационно-правовые условия для привлекательности адвокатуры. Важно принять закон, который создаст необходимые преференции, чтобы юристы сами шли в адвокатуру, понимая, что вместе со статусом адвоката они получают те инструменты защиты, которые есть у адвокатов, — адвокатская тайна, адвокатский запрос. Между прочим, это нюансы, которые очень сильно влияют и на интересы клиента, потому что клиенту важно быть уверенным в том, что правовой советник, которому он доверился, защищен с точки зрения конфиденциальности информации. Получая статус адвоката, юрист начинает пользоваться полным спектром инструментов для защиты интересов клиента, включая конфиденциальность получаемой от него информации.

Сегодня существует ряд причин, в первую очередь чисто экономических, по которым в адвокатуру не только не стремятся, но и вообще не хотят вступать. В конце 1980-х гг. у нас параллельно с адвокатурой начал развиваться юридический бизнес как форма предпринимательства: сначала в форме кооперативов, потом — хозяйственных обществ и в качестве индивидуального предпринимателя, и за эти годы получилось так, что адвокатура выпала из этого процесса.

По закону деятельность адвоката является непредпринимательской, а организации, которые могут создавать адвокаты, могут быть только некоммерческими. Если смотреть на это с точки зрения Гражданского

кодекса, то сегодня мы имеем такую организационно-правовую форму некоммерческой организации, как «адвокатское образование, являющееся юридическим лицом», которая по Закону об адвокатуре может быть трех видов — коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация. Первые две являются корпоративными организациями, а последняя больше похожа на унитарную организацию, это что-то вроде частного учреждения. Еще есть возможность осуществлять деятельность в форме адвокатского кабинета — этакий некоммерческий аналог индивидуального предпринимателя. Какие трудности в связи с этим возникают у адвокатов, для которых деятельность не считается предпринимательской, и у адвокатских образований — некоммерческих юридических лиц, функции которых сводятся лишь к объединению для ведения каждым своей индивидуальной деятельности?

Первый очевидный минус — это возможность заключения с доверителем соглашений об оказании юридической помощи только непосредственно адвокатом. Адвокатское образование заключить такое соглашение не может. Правда, такая форма, как адвокатское бюро, была изобретена именно для того, чтобы хоть как-то обеспечить потребность в оказании юридических услуг не по индивидуальной модели. Но реализовано это было так, что соглашение об оказании юридической помощи заключается от имени всех адвокатов-партнеров, и поэтому мы можем встретить такие соглашения, где доверителю оказывают услуги сразу, допустим, пятьдесят адвокатов, которые являются членами одного адвокатского бюро.

Пользуясь тем, что в свободном сегменте юридического бизнеса такие ограничения отсутствуют, некоторые коллеги-консультанты достигли очень серьезных успехов, используя те организационно-правовые формы коммерческих организаций, которые доступны для ведения предпринимательской деятельности. Прежде всего, это общество с ограниченной ответственностью, иногда можно встретить юридические фирмы в форме акционерных обществ и даже производственных кооперативов. Все они, таким образом, получают возможность заключать договоры на оказание юридических услуг с организацией, в которой по найму работают юристы. Адвокат же, как известно, сейчас в принципе не вправе работать по трудовому договору, если речь идет об оказании им юридических услуг. Из этого вытекает еще целый ряд проблем, связанных, на-

пример, с тем, что адвокатские образования, по сути, лишаются возможности использовать средства индивидуализации — они-то являются некоммерческими организациями, а зарегистрировать и защитить права на товарный знак или фирменное наименование могут лишь лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность.

Очевидно, что те формы, которые сейчас предусмотрены Законом об адвокатуре, неудобны для тех, кто привык вести деятельность в форме коммерческих организаций, и лишают их массы возможностей, начиная от найма юристов по трудовому договору и заканчивая участием в конкурсах на госзакупки юридических услуг, договоры по итогам которых можно заключить лишь с организацией. Поэтому, конечно, трудно было бы ожидать от успешных представителей юридического консалтинга, ведущих деятельность в формах привычных им ООО и АО, большой радости по поводу необходимости перевода своего бизнеса в один из имеющегося набора видов некоммерческих адвокатских образований. Я уже не говорю о том, что многие адвокаты хотели бы получить возможности, которые дают организационно-правовые формы коммерческих корпоративных организаций, предусмотренные Гражданским кодексом.

У нас была некоторая развилка при обсуждении того, как решать эту проблему: сначала предлагалось предусмотреть новую организационно-правовую форму адвокатской фирмы, но в итоге мы сошлись на том, что лучше внести в Закон об адвокатуре небольшие изменения, имплементировав в него уже привычные юридическому бизнесу формы ООО, АО, производственного кооператива и полного товарищества и допустив возможность создания адвокатского образования и в этих формах. Естественно, для этого потребуются предусмотреть их специальную правоспособность и требования, обусловленные статусом адвокатского образования. Например, нужно будет установить, что участниками такого юрлица могут быть только адвокаты. Возможность адвоката работать по трудовому договору потребует внесения поправок, обеспечивающих независимость адвоката как юридического советника от власти работодателя в принципиальных вопросах, связанных, допустим, с адвокатской тайной, и определения случаев, при которых работодатель не сможет давать обязательных указаний, ограничивающих независимость адвоката

и препятствующих оказанию им квалифицированной юридической помощи.

— То есть первый аспект, который будет учитываться на начальном этапе реформы, — это возможность выбора удобной корпоративной формы. Насколько я понимаю, не менее важным моментом в финансовой привлекательности должна быть налоговая составляющая.

— Вопрос налогообложения действительно имеет большое значение. Недавно мы провели первое совещание с представителями Минфина, Федеральной налоговой службы и некоторых юридических фирм, в том числе адвокатских, специализирующихся по налоговому праву, и уже наметили те нюансы, в отношении которых нужно будет изменять Концепцию в целях создания привлекательного режима налогообложения для осуществления адвокатской деятельности. Но здесь главная задача состоит не в том, чтобы просто предоставить налоговые льготы адвокатам, это не самоцель, а в том, чтобы в результате реформы не ухудшить положение как нынешних адвокатов, так и тех, кто перейдет в адвокатуру.

Например, сейчас у нас адвокаты уплачивают страховые взносы самостоятельно. Если адвокат будет работать по трудовому договору, то по действующему законодательству страховые взносы за него должен платить работодатель. Конечно, не должно получиться так, что взносы будет платить и сам адвокат, и адвокатское образование как налоговый агент. Необходимо исключить двойное налогообложение.

С этой точки зрения встает и не менее важный вопрос по поводу НДС. Сейчас адвокатские образования НДС не уплачивают, потому что соглашение об оказании юридической помощи заключается непосредственно с адвокатом, который оказывает юридические услуги, а адвокаты НДС не платят. Если же договор будет заключаться с юридическим лицом как коммерческим корпоративным образованием, то НДС уплачивается. Обсуждение в рабочей группе показало, что юридическому бизнесу отнюдь не всегда будет выгодно получение льготы по НДС: если, например, речь идет о договоре на оказание юридических услуг, заключаемом с крупным бизнесом, то применение этой льготы увеличит издержки в среднем на 6%, что в итоге отразится на цене этих услуг. Поэтому с крупным бизне-

сом выгоднее работать с НДС, как это сейчас делают юридические фирмы, не являющиеся адвокатскими образованиями. Но если речь идет об оказании юридической помощи гражданам, то там логично предоставить льготу по НДС.

— А почему крупному бизнесу интересен НДС?

— Потому что он тоже уплачивает НДС и может предъявить его к вычету далее по цепочке. И мы поняли, что надо корректировать наше предложение в части освобождения от уплаты НДС и предоставить налогоплательщику право выбора, т.е. установить, что такая льгота возможна, но решение о том, пользоваться ею или нет в соответствующий налоговый период, принимает сам налогоплательщик.

— А упрощенная система налогообложения будет?

— Этот вопрос мы тоже обсудили. Понятно, что одним из преимуществ, особенно для некрупного юридического бизнеса, является возможность быть на упрощенке. Единственное формальное препятствие к этому сейчас — это то, что у нас деятельность адвоката считается некоммерческой. Но я считаю, что бюджет никак не пострадает, если мы создадим такие же условия для адвокатских образований. Ведь если предприниматель может выбирать упрощенку, то почему бы не предоставить эту возможность адвокатам. И в общем все согласились с тем, что в принципе нужно допустить такую систему как для адвокатских образований, являющихся юридическими лицами, так и для адвокатских кабинетов. Они ничем принципиально не отличаются от индивидуального предпринимателя.

— Хорошо, если та или иная юридическая фирма приняла решение стать адвокатским образованием, ей придется пройти все стадии, связанные с квалификационным отбором. Поскольку объем заявлений может быть довольно большой, встает вопрос: как избежать затора «на входе»?

— Это уже вопрос второго этапа реформы, который согласно Концепции будет реализован в 2019 г. путем разработки нормативно-правовой базы по созданию условий для вовлечения практикующих юристов в адвокатуру в упрощенном порядке. Создания одних только форм действительно недостаточно, в любом

случае останется требование сдавать полноценный квалификационный экзамен. Но многие юристы, и порой небезосновательно, задаются вопросом о том, почему, имея многолетний опыт юридического консалтинга, они должны сдавать такой экзамен.

Для них Концепция предусматривает упрощенный порядок вступления в адвокатуру. Мы обсуждали, насколько упрощенным должен быть этот порядок, и пришли к выводу, что вступление в адвокатуру без экзаменов может привести к отсутствию вообще какого бы то ни было фильтра на входе, что, в свою очередь, может сказаться на квалификации тех, кто получит статус адвоката. Поэтому в качестве рабочего пока выбран вариант, что на упрощенный порядок могут рассчитывать лица, имеющие юридический стаж не меньше пяти лет, причем не просто юридический стаж, а тот, который был получен только в организациях, оказывающих юридические услуги в качестве основного вида деятельности. Сюда же входят индивидуальные предприниматели, у которых по ОКВЭД указан основной вид деятельности «деятельность в области права».

Для подтверждения оказания этих услуг нужно будет предоставить еще и сведения, показывающие, насколько реально эти услуги оказывались и уплачивались ли по ним налоги. Наша задача — привлечь в адвокатуру лучших из тех, кто практикует сейчас вне адвокатуры, и я имею в виду лучших как с точки зрения их опыта и квалификации, так и с точки зрения их честности и порядочности в выполнении своих обязанностей по уплате налогов.

Упрощенный порядок предполагает лишь тест на знание законодательства об адвокатуре, который будет проводиться удаленно через специально организованный ФПА электронный сервис в сети Интернет. Такое решение исключит прямое общение с представителями адвокатских палат для тех, кто по разным причинам хочет его избежать. Оно достаточно технологично и, думаю, сможет обеспечить отсутствие затора «на входе», о котором Вы говорили.

— Судя по всему, стоит ожидать существенное увеличение нагрузки на ФПА. Справится ли она с таким крупным объемом работы? Насколько я понимаю, сейчас свободных юристов больше, чем адвокатов.

— ФПА к этому увеличению готова. Это, в сущности, ее цель.

|| Отмечу еще один важный момент. Помимо транзита конкретных юристов должны быть созданы привлекательные условия для транзита корпоративных форм.

Грубо говоря, мы специально ушли от введения новой организационно-правовой формы и оставили возможность создавать адвокатские образования в формах ООО, АО и т.д., которые успешно используются на практике в неадвокатском сегменте. То есть юридическая фирма в форме ООО может остаться с тем же брендом и теми же участниками — главное, чтобы она соответствовала определенным требованиям, чтобы все участники обязательно были адвокатами и т.д. Тем самым мы обеспечим уже работающим на рынке юридическим фирмам комфортный переход: они просто приобретут статус адвокатского образования, не меняя организационно-правовую форму, безо всякой ликвидации или реорганизации.

— А как сохранение организационных форм коммерческих организаций соотносится с закрепленным в Концепции непредпринимательским характером адвокатской деятельности?

— Действительно, многие видят в этом неразрешимое противоречие и говорят, что если адвокатская деятельность непредпринимательская, то, значит, адвокатами могут создаваться только некоммерческие организации.

На самом деле здесь нет никакого противоречия, и это становится очевидным на примере медицинской помощи. Никто ведь не будет утверждать, что прежде всего она направлена на извлечение прибыли. Основная цель хирургической операции — оказание помощи пациенту, а не извлечение прибыли, даже если хирург получает за это вознаграждение. При этом никто не мешает осуществлять медицинскую деятельность и помогать пациентам, создавая коммерческие организации, в том числе в форме ООО или АО.

Аналогично получение компанией дохода от оказания юридических услуг никак не препятствует сохранению непредпринимательского характера деятельности адвоката. И даже зарубежный опыт убедительно по-

казывает, что в некоторых странах, где деятельность адвокатов признается непредпринимательской, тем не менее допускается объединение их для коллективных видов деятельности в юридические лица, которые являются коммерческими организациями. Яркий пример — Германия, где можно создать адвокатское ООО (*Rechtsanwalts-GmbH*).

— Встречается много мнений по поводу того, что непредпринимательский характер адвокатской деятельности — это некий рудимент, декларация, которая по большому счету ничего не значит. Почему важно сохранить это положение в Концепции?

— Во-первых, Конституционный Суд уже высказывался по этому вопросу⁶, однозначно определив адвокатскую деятельность как непредпринимательскую, наравне, например, с деятельностью арбитражных управляющих. Он отметил, что в силу публичной значимости этих функций нельзя их приравнять к предпринимательской деятельности. Мы не можем игнорировать позицию Конституционного Суда, и, в общем, она имеет резонные основания. Во-вторых, с уважением отношусь к позиции адвокатов, которые рассматривают свою профессиональную деятельность как служение и полагают, что они призваны в первую очередь оказывать людям правовую помощь, а зарабатывание денег — не главная их цель. Вместе с тем их право на получение вознаграждения за свой труд естественно. Я не вижу необходимости отказываться от этого традиционного взгляда на деятельность по оказанию юридической помощи, и доводы Конституционного Суда лишний раз убеждают в этом.

— Многих юристов на свободном рынке смущает то, что им придется выполнять некую несвойственную им социальную функцию — оказывать юридическую помощь по уголовным делам в порядке ст. 51 УПК РФ по назначению. Тем более, как показывает практика, эта деятельность не особо прибыльная. И последние прошедшие в Карелии, Челябинской и Свердловской областях волнения в

адвокатской среде показывают, что даже адвокаты не согласны оказывать юридическую помощь в ущерб себе. Правильно ли оставлять такую социальную функцию за всем адвокатским сообществом? Или же нужно придерживаться специализации и учитывать имущественный интерес? В каких случаях адвокат должен иметь возможность отказаться от поручения, если он понимает, что его выполнение невыгодно?

— Во-первых, ситуаций, о которых Вы говорите, не должно быть в принципе, нужно стараться их исключить. Любая работа должна оплачиваться, и адвокаты имеют право на вознаграждение за свой труд. Недавно мы проводили совещание, по итогам которого Минфином была озвучена информация о скорейшем выделении средств на погашение этих долгов.

Во-вторых, на опасения, что вызов о назначении защитником по уголовному делу придет юристу, который стал адвокатом, но не планировал практиковать в уголовном праве, можно ответить, что есть достаточный сегмент адвокатов, специализирующихся на оказании юридической помощи в уголовных делах по назначению. Они будут только рады, если получат больше таких назначений.

Иначе говоря, риск того, что придется заниматься непрофильной деятельностью, невелик, потому что те адвокаты, кто сейчас выполняет эту функцию, будут делать это с удовольствием. Дополнительно можно подумать о развитии института специализации адвокатов, что предусмотрено проектом Концепции.

— Сегодня в каждой адвокатской палате ведется график дежурств адвокатов, в котором участвуют все входящие в состав палаты адвокаты. Если адвокат берет поручение не по графику, это может привести к дисциплинарной ответственности. Как должна работать система? Должна ли быть у других адвокатов возможность отказываться от внесения в график или они должны выплачивать за это компенсацию, как это делается, например, в Адвокатской палате г. Москвы?

— Система должна работать так, чтобы ее главным принципом было исключение какого-либо влияния органов дознания и предварительного следствия на распределение поручений на защиту по назначению. На

⁶ Определение КС РФ от 01.06.2010 № 782-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Николая Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 29 Федерального закона „Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации“».

сегодня приоритетная задача — усовершенствовать порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве в соответствии с этим принципом, в идеале — с помощью специальных компьютерных программ автоматического распределения.

Специализация — одно из возможных решений поставленного Вами вопроса. Но необходимо выработать подход, не нарушающий единства адвокатской корпорации.

— А что будет с системой оказания бесплатной юридической помощи? Она сохранится?

— Несомненно. Это предусмотрено и Концепцией, и программой «Юстиция», в которой поставлена задача упорядочить и усовершенствовать эту деятельность. У нас довольно развитое законодательство, предполагающее создание в субъектах Российской Федерации государственных юридических бюро, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Кроме того, к выполнению этой функции привлекаются адвокаты, и в тех субъектах, где участие адвокатов особенно выражено, наблюдается наибольшая эффективность работы всей системы. Есть и регионы, в которых эта система держится исключительно на адвокатах, т.е. государственные юридические бюро действуют далеко не везде. Еще существует возможность оказания бесплатной юридической помощи вне государственной системы — в рамках юридических клиник при вузах, некоммерческих организаций и т.п. Концепция не предполагает принятия резких решений в этой части.

Сейчас обсуждается создание дополнительных стимулов для тех, кто будет оказывать юридическую помощь *pro bono*, например особых условий участия таких адвокатов в конкурсах на получение государственных заказов на оказание юридических услуг.

— Еще одной причиной, по которой вольные юристы боятся вступать в адвокатуру, является недостаточно прозрачная практика привлечения к дисциплинарной ответственности в ряде адвокатских палат, а также опасность наступления дисциплинарной ответственности за критику сообщества, — показательным примером стало дело И. Трунова. Между тем поводы для критики, судя по всему,

были, вспомним хотя бы обвинения в отсутствии ротации в адвокатских палатах. Должна ли адвокатура каким-либо образом развеять эти сомнения перед тем, как получить право исключительного контроля на рынке юридических услуг?

— Моя позиция заключается в том, что у государства вообще и у Минюста в частности должна быть минимальная роль в контроле за членами адвокатской корпорации. Сегодня все наше участие заключается в том, что в состав квалификационных комиссий адвокатских палат входят два представителя от территориальных управлений Минюста в каждом регионе. Если в Минюст или территориальные органы поступают жалобы на адвоката, то территориальные органы при наличии оснований вносят представления о возбуждении дисциплинарного производства или о прекращении статуса адвоката. Поступившие представления рассматриваются коллегиально на заседании квалификационной комиссии адвокатской палаты, а затем передаются в совет адвокатской палаты, состоящий только из адвокатов. Окончательное решение в отношении адвоката принимается Советом палаты также коллегиально. И это очень важный инструмент, в связи с которым на адвокатуру возлагаются большие надежды. При нормально настроенной системе дисциплинарное производство является очень мощным инструментом обеспечения независимости адвокатуры. Вопрос в том, как она будет им пользоваться.

Надеюсь, в адвокатском сообществе понимают, что до введения исключительного права адвокатов на оказание платных юридических услуг необходимо привлечь в адвокатуру большинство из тех, кто пока предпочитает оказывать эти услуги без приобретения адвокатского статуса по самым разным причинам, и рассчитываю, что адвокатская корпорация будет работать над устранением этих причин. В Концепции прямо сказано: если численность адвокатов будет недостаточной, сроки будут сдвигаться.

Важно, чтобы участники рынка профессиональной юридической помощи были уверены в том, что система будет работать правильно. Конкретные примеры ее критики я комментировать не буду, но очень желательно, чтобы был выстроен эффективный механизм учета этой критики и дисциплинарной практики по самым высоким стандартам.

Когда я был адвокатом (в 2004–2008 гг.), я четко понимал, что в случае подачи необоснованной жалобы Адвокатская палата г. Москвы защитит меня от посягательств на мою независимость. У меня было это понимание, поскольку я видел, как складывается дисциплинарная практика и какие принимаются решения. Надо, чтобы такое доверие было и у адвокатов, и у тех, кто рассматривает возможность приобретения этого статуса. Но обеспечить его может только сама адвокатура.

— **Какие-то шаги в этом направлении уже сделаны?**

— Недавно президент ФПА Ю.С. Пилипенко в связи с рядом резонансных случаев из дисциплинарной практики региональных адвокатских палат обратился в Комиссию ФПА по этике и стандартам с запросом о необходимости разъяснений по вопросу о критериях применения к адвокатам мер дисциплинарной ответственности.

Адвокатура абсолютно точно обеспокоена вопросами о том, как сделать систему вызывающей доверие и исправить ситуации, которые воспринимаются как негативные. Выстраивание этических стандартов и требований к поведению адвоката — это удел самой корпорации, государство не должно этим заниматься.

Думаю, оптимальные критерии будут выработаны адвокатским сообществом.

Кстати, в отчете миссии Международной комиссии юристов Кодекс профессиональной этики адвоката⁷

оценивается очень высоко. Отмечается, что в целом Кодекс является достаточно продуманным, чтобы обеспечить соблюдение международных стандартов независимости адвокатов, и может использоваться в качестве надежного фундамента для независимой работы адвокатов и функционирования профессии в целом. При этом констатируется, что единственная слабость Кодекса связана с недостаточно последовательным применением его положений в рамках дисциплинарной системы⁸.

— **Разве Минюст как регулятор не может высказать сообществу свои пожелания в преддверии реформы? Было бы логичным выразить мнение регулятора, который видит ситуацию извне, до того, как возлагать на адвокатскую корпорацию вершение судеб всех юристов, ведь после объединения речь может идти о запрете на профессию вообще.**

— Повторюсь: никто, кроме самой адвокатуры, не вправе решать, как им выстраивать внутреннюю дисциплинарную практику. Смысл Концепции в том, что государство доверяет это решение самоуправляемой корпорации. Если она не сможет обеспечить доверие к себе, значит, ничего не получится.

Но мы настроены оптимистично и рассчитываем на то, что обновленная адвокатура станет по-настоящему свободным и независимым сообществом, объединяющим квалифицированных юристов на основе высоких профессиональных и этических стандартов и обеспечивающим надежную защиту прав и свобод доверителей. Такой корпорации не страшно будет предоставить монополию.

⁷ Принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003.

⁸ Отчет миссии Международной комиссии юристов 2015 «Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации». С. 38. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2016/10/Russia-Towards-A-Stronger-Legal-Prof-Publication-2015-RUS-.pdf> (дата обращения: 24.11.2017).